

Памяти В.В. Бибихина

О ПРИЕМАХ МЫСЛЯЩЕЙ РЕЧИ В.В. БИБИХИНА

С.С. Неретина

Институт философии РАН

Аннотация: *Философия выдающегося российского философа, получившего международное признание Владимира Вениаминовича Бибихина (1938–2004), идеям которого посвящены многочисленные конференции, «круглые столы», семинары, философские школы, статьи его коллег, учеников и слушателей, представлена через описание приемов его мыслящей речи: возврат, догадничество, интимность, вопросительность, схватывание, эффект задержки. Бибихин интересовал мир, как он есть, его полнота. «Язык философии», «Лес», «Мир», «Собственность», «Другое начало», «Внутренняя форма слова», «Узнай себя», «Смена аспекта» — это книги, представляющие собой записи лекционных курсов, прочитанных на философском факультете МГУ. Однако темы, развернутые им, были гораздо шире: это «онтологические основания правды», «государство и право в „Политике“ Аристотеля и у других авторов», «гонка за бытием. Ахиллес и черепаха», «поиск своего в „Алкивиаде“ Платона» и многое другое. Показана теснейшая связь мыслителя с античной традицией, прежде всего — аристотелизмом. Приведены примеры критического анализа его философии.*

Ключевые слова: *Бибихин, философия, прием, реверсивность, аспект, энергия, право, догадничество, интимность, вопросительность, речь.*

В этом году исполнилось 80 лет со дня рождения Владимира Вениаминовича Бибихина. Это был, конечно, филолог, конечно, переводчик, но, прежде всего, — философ. В книге «Философские одиночества» я дала о нем краткую справку: «Владимир Вениаминович Бибихин (29.08.1938 – 12.12.2004) — российский религиозный философ, после окончания школы был рядовым Советской армии, поскольку его не приняли на философский факультет МГУ. Затем учился на переводческом отделении Московского государственного педагогического института им. М. Горького, преподавал в МГИМО, институте им. М. Горького, на историческом факультете МГУ. С 1972-го по 2004 г. работал в Институте философии, с 1990 г. — в Центре методологии и этики науки. В 1977 г. он защитил кандидатскую диссертацию по филологии „Семантические потенции языкового знака“ и никак не хотел защищать докторскую в Институте, считая, что должен защитить ее там, куда его не приняли. Он не успел. Но звание филолога за ним тянется и до сих пор» [Неретина 2008: 225].

О нем нет надобности говорить с помощью определений «выдающийся», «известный», «знаменитый», хотя к концу своей жизни он таковым был и о том знал. Философия — это его дело. И, слава богу, сейчас интенсивно возникает заслуженный интерес к его мысли, к раздолью его мысли, к ее богатству, к рожденным ею интересам. Появились рецензии и статьи А. Магуна [Магун 2015], М.А. Богатова [Богатов 2015: 90–111; 2017: 216–228; 2017: 366–373; 2018], А.В. Михайловского [Михайловский 2011], Д. Павловой [Павлова 2017; 2017а; 2015], С.С. Хоружего [Хоружий 2016], И.В. Борщ, А.А. Тесли, В.Ю. Файбышенко, С.А. Шульца. Ссылки на эти, вышедшие, материалы собраны на сайте, специально посвященном В.В. Бибихину (Bibikhin.ru). О Бибихине написано и в нашей с А.П. Огурцовым книге «Пути к универсалиям» (СПб.: РХГА, 2006) и в моей книге «Философские одиночества» (М.: ИФ РАН, 2008).

Почти каждый год после кончины Владимира Вениаминовича проводились памятные семинары сначала в Центре методологии и этики науки, которым руководил А.П. Огурцов. На них присутствовали коллеги Бибихина по Институту философии РАН, его ученики или участники его семинаров из других научных или образовательных учреждений. После 2014 г. такие же семинары или «круглые столы» собирались в секторе философских проблем социального и гуманитарного знания Института философии РАН: так стал именоваться Центр методологии и этики науки. Один из них, состоявшийся 11 декабря 2014 г., был опубликован в электронном философском журнале «Vox» (2014, вып.17). Филологический факультет Самарского госуниверситета в Студеном овраге (Самара) в 2015 г. и 2016 г. в рамках летней филологической школы по инициативе Натальи Павловской проводил «бибихинские штудии» по курсам Бибихина «Лес» и «Мир». 75-летнему юбилею Бибихина и его философскому наследию была посвящена Международная конференция, состоявшаяся в Европейском университете Санкт-Петербурга в 2013 г. В 2018 г. в Институте философии РАН, в рамках проекта «Философская мастерская» (мастер-класс № 1), состоялся круглый стол, посвященный 80-летию Бибихина, на котором обсуждались «темы, подсказанные Бибихиным», и где участвовали М.А. Богатов, А.Г. Гаджикурбанов, В.Г. Лысенко, Д.А. Лунгина, Я.Э. Мановас, А.А. Михайловский, С.С. Неретина, И.И. Павлов, С.С. Хоружий и др.

Так что вряд ли можно согласиться с опубликованной в интернет-журнале «Гэфтер» в 2018-м г. статьей Богатова «„Почему Бибихин — не Хайдеггер?“ *О контрапунктах и синкопах русской философской полифонии*», где говорится, что, несмотря на то, что «на данный момент издано более двадцати отдельных книг Владимира Вениаминовича, некоторые выходили (и продолжают выходить) вторыми и третьими изданиями, то есть несколько десятков тысяч книг были распространены, что значит: кем-то куплены, возможно, прочитаны — и... при этом — совершенное молчание» [Богатов 2018а]. Не вполне справедливо и объяснение такого молчания, связанное, по мнению Богатова, «с определенным настроем академической профессуры, которая чаще всего не решается всерьез заниматься своими ровесниками или теми, кого они могли застать при жизни» [там же]. Другая причина молчания (если его признать, хотя надо признать и то, что философская жизнь Владимира Вениаминовича началась во время разрушения философских и прочих коммуникаций — в 90-е годы! Книги не доходили до возможных читателей) тоже, на мой взгляд, не соответствует состоянию дела, а именно: «Бибихин уже сложился, самостоятелен, целостен; писать о нем — это все равно, что этой целостности и полноты не видеть, расписываясь в собственной ущербности. Поэтому из любви и понимания к нему устанавливается молчание — и любой, кто его нарушит, будет занесен в „черный список“». Его заведомо, даже не вчитываясь, можно обвинить в неадекватности, указать на ограниченность автора. Но если мы вчитаемся, то, тем более, всегда — при желании — уличим пишущего в том, что он не все охватил». Читатель, однако, тем более *философствующий* читатель не боязлив, достаточно посмотреть на темы выступавших на упомянутой выше Международной конференции в Санкт-Петербурге в 2013 г., чтобы обна-

ружить, что нет ни стеснения в выборе частных тем, ни страха перед неполнотой объяснения.

Вот, например, некоторые темы, поднятые на конференции, обсуждавшей фундаментальные понятия в мысли В.В.: событие, собственность, энергия. С.С. Хоружий поднял тему «Бибихин, Хайдеггер, Палама в проблеме энергии», К.С. Пигров — тему «Концепт дневника в творчестве Владимира Бибихина», А.А. Погребняк — «„София“ мира и человеческий интерес», В.Г. Косыхин — «Полюс события: Бибихин и феноменология», Л. Леонкевич — «В. Бибихин как антипаламит», М. Мардер — «Близость леса», О.В. Хархордин — «Понятие собственности в философии В.В. Бибихина и современная Россия» и пр. Говорят и о частном, и о полноте, вовсе «не полагая, что говорить о полном и радостном, целом, нельзя». Более того, появились критические работы, вовсе не затрагивающие проблему, почему Бибихин — не Хайдеггер.

Достаточно сослаться на прекрасную работу Хоружего «Бибихин, Хайдеггер, Палама в проблеме энергии», в которой Сергей Сергеевич, по его словам, выполняет «странную» миссию. «За своей стандартной стилистикой, вопреки ей, этот доклад (статья — текст доклада, прочитанного на конференции 2013 г. — С.Н.) — не академический текст, скорее род „духовного упражнения“, совмещения несовместимых заданий. Я — друг его, которому выпало прожить сколько-то после него, и мне всегда ощущалось, что мы должны жить за наших ушедших, их представлять на земле, дабы через нас, в нас продолжилось бы их присутствие. „Теперь он сам уж не может, должен я за него“, — за него *быть здесь*. Но я еще и философ, всегда бывший не только его собеседником, но и оппонентом, и в этом тексте именно философом я обязан быть. Странно все это. Не знаю, что получилось» [Хоружий 2016].

Получился энергичнейший текст под статью теме статьи. Отдавая должное «уникальному опыту философии радикального экологизма», как определяет смысл философии Бибихина Хоружий, он характеризует его позицию как «ультра-аристотелизм» за его утверждение «несоизмеримого превосходства энергии покоя», за «предельное умаление роли „второй энергии“... актуализирующей возможность вплоть до игнорирования и даже прямого отрицания ее», хотя сам Аристотель в ответ на вопрос о последовательности начал (предшествует ли энергия возможности или возможность энергии?) давал основания «и для той, и для другой последовательности; т. е. за счет многозначности, многосмысленности энергии она и предшествует возможности, и за ней следует» [там же]. Переходя к анализу энергии Григория Паламы и отношению к этой трактовке Бибихина, считающего неоправданным новшеством введение паламитского различия божественной сущности и божественной энергии, Хоружий обнаруживает невозможность для Бибихина придерживаться ультра-аристотелевской позиции, хотя тот не только настаивает на ней, но не видит логической неадекватности своей позиции учению Паламы. Столь же утрированно, по мнению Хоружего, Бибихин относился и к Хайдеггеру, преподнося ультра-Хайдеггера, когда «настаивал, что в философии имеет свое место, свои права не только рассуждение, но и чувство; и в случае полноты вместо ее дефиниции, ее логических критериев он отсылал именно к чувству» [там же]. Хоружий видит в таком признании чувства бытия «пафос философствования Владимира Вениаминовича», «не столько философский тезис», сколько именно «философское чувство», которое «вкладывал и в свой перевод *Dasein*... Бибихинское чувство бытия — это чувство: *Бытие — вот! Вот оно!*» [там же]. И мы вынуждены согласиться с утверждением Сергея Сергеевича, что «для христианского сознания полнота обожения имеет сугубо эсхатологическую природу. В нашем „здесь“ она недоступна», хотя вряд ли без специальных оговорок можно согласиться с тем, что такая бытийная чувственность принадлежит античному, а не христианскому миру: сводящий ум в сердце Августин с этим бы не согласился, а он все еще жил не в расколоте на западное и восточное, католическое и православное христианстве.

Понятна увлеченность Владимира Вениаминовича Аристотелем. После долговременных акцентов, звучащих у многих философов, на различия мысли в разные эпохи, странно и

неожиданно твердо зазвучали несправедливые слова Бибихина, что одна и та же истина возникает не однажды, а бесконечное число раз. Это значит, что «стихия безумного экстаза, пейзаж апокалиптики окружают философскую мысль; она оглядывается на него с робким смущением, с неподдельным уважением, но держится своей трезвости». Это значит, что, как говорил в «Метафизике» Аристотель (VII 1 1028 b 2–4), «снова и снова, издревле и ныне, и вечно ищут, и вечно встают в тупик, спрашивая, что есть сущее, т. е. что есть бытие» [Бибихин 2001: 9]. С Аристотеля начиная, философия покончила с еще звучащими у Сократа мыслями о том, что она призвана к безмолвию или к прорицательскому жару и, как пишет Бибихин, решилась «сказать невозможное: сказать, что такое то, из-за чего все что есть есть то что оно есть» [Там же; см. также: Неретина 2008: 161].

Мое нынешнее высказывание касается, однако, двух вещей: ввести читателя в философский мир Бибихина, что, возможно, послужило бы более тщательному и заинтересованному чтению некоторых разделов его «Введения в философию права», которые публикуются ниже, и показать некоторые мыслительные приемы, применяемые Бибихиным, помощь которых позволяла ему высказываться предельно просто и емко.

Владимир Вениаминович мыслил, как дышал, это была его жизнь, которой он отказывал в чисто биологическом статусе. Он из этой жизни не желал выбрасывать ничего, даже того, что когда-то, после школы, его не взяли на философский факультет, и он хотел, повторюсь, защищать докторскую диссертацию именно там, куда его не допустили. Это было бы мало-мальское дело, к которому его, как правило, подталкивали сослуживцы. Гораздо важнее было его неустанное внимание к размышлениям других людей, предшественников и современников, — С.С. Аверинцеву, А.В. Ахутину, О.А. Седаковой, С.С. Хоружему и др., кого он считал со-участниками и со-причастниками делу философии. При понимании, при желании охватить мир всего, однако, возникал своеобразный, я бы сказала, эффект задержки, который есть свидетельство переходности себя в себя, в себя другого, часто принимаемый за силу простого повтора, традиции, за которую (соломинка!) хватается уходящее «культурное» поколение, естественно и справедливо не признающее «элементарной логики» ухода, желающее увидеть рождение нового.

Бибихин же желал понять именно логику возвращения. Этому, насколько помню, посвящено немало страниц в книге «Лес». Когда он писал о птицах, которые летят, угадывая, где именно у солнца выпрямляются лучи, когда они попадают в нужный «перепад температуры» [Бибихин 2011: 355], то это угадывание-изобретение совершается на молекулярном уровне, к которому птицы «приписаны, — он пишет, — как крепостные крестьяне к своим селам» [Там же: 355]. Этот переход от птиц к земле и крестьянам в высказывании обнаруживает гораздо большую всеобщую жизненную связь, чем если бы мы дотошно — диалектически (у Платона есть объяснение, возникшее из недоумения, о связи человека с птицей) — научно прослеживали эту связь. Хотя при этом невольно напрашивается вывод, что прежнее российское состояние прямо следовало природе — впадение в нее есть то, что Бибихин называл попаданием. Его акцент, конечно, на сам прием, который работает безотказно. Правильное нахождение приема воздействует на понимание чего-то, что больше содержания, сущности, хотя все это он знал безукоризненно: поражаешься величине и качеству его знания. Но само нахождение приема, своеобразное изобретение — это и есть практика восстановления — важный для него термин. Это и есть возврат, позволяющий уцелеть, способствующий выживанию.

А потом, в другом месте, находишь тому, т. е. бибихинской мысли, подтверждение от авторитета — ссылку, что и эта мысль реверсивна, не одна. Ссылку, например, на С.С. Аверинцева, говорившего, что «русские не то что сообразительны, но догадливы» [Там же: 69].

О догадничестве говорили многие: Библер, М.К. Петров, но Бибихин раскрывал процедуру догадничества, ибо без догадки нельзя искать. Догадничество — свойство философствования, возникающее там, где все кончается и не на что опереться: надо догадаться, как

начать. Догадничество — толкач философствования. На этого толкача должен работать — Бибихин подчеркивает — искусственный (! — С.Н.) подготовленный взгляд (с. 21). Этот взгляд соответственно рождает ответственность за плод подготовки. Я помню диалог, возникший между Бибихиным и Огурцовым.

Александр Павлович: Владимир Вениаминович, Ваш комментарий к такому-то фрагменту «Логико-философского трактата» Витгенштейна позволяет думать...

Бибихин: Александр Павлович, если Вы считаете, что написанное о трактате — комментарий, я обижусь. Это сам Витгенштейн.

Тогда я: Владимир Вениаминович, если то, что Вы говорите, это слова Витгенштейна, почему Вы подписываете книгу «Бибихин».

Он подумал: Сказал Витгенштейн, но ответственность я беру на себя.

Стойкая черта этого подготовленного опыта — интимность, связанная с тем, что мы как бы, стараясь нечто выговорить, «боимся самих себя», может быть, даже не столько боимся, сколько теряемся от новизны пришедшей мысли, ибо тут же, сейчас же становимся другими. Его стиль — это интимность.

Владимир Вениаминович — не системный мыслитель. Он — я уже говорила — просто мыслит. Неожиданно. Будто про себя. Неординарно. Но мыслит так, что пунктир его мысли возникает во внутренней работе каждого, кто его читал: что бы он подумал по этому поводу? Это значит: его мысль захватывает потому, что эта мысль не навязчива, не уверенна, вопрошительна. «Любое толкование будет отставать, сбиваться и именно поэтому толкования обязательно потребуются и будут *разные*. И так неуверенно я и должен говорить; *как будто бы* указательные знаки повернуты в одну сторону» [Там же: 22]. Но хотя указательные знаки повернуты в одну сторону, «лучше остаться при этой неуверенности» [Там же], правда, у него — строго выверенной. Непривычное видение — искусственно (хотя — он рядом вставляет — оно вовсе не искусственно, ибо предполагается другой смысл слова «искусственно», производный от искусства мыслить живое, сущее). Такова, например, книга. Он напоминал, что человек — книга [Там же: 421], написанная вообще за миллиарды лет, а потом человеком, поднявшимся на ноги 5 миллионов лет назад (150 поколений), *все* помнили о своих поступках и преступлениях, а последняя сотня разрешила себе их отложить — в библиотеки, т. е. забывать. И, полагая, что все могло сорваться, напоминает об устойчивости Геи, которая оказалась способной «менять своих кукол» [Там же]. Это важно продумать всем нам, отложившим память в гаджеты, став беспамятными.

Еще одна вещь, связанная с Бибихиным: он работает с проблемой «схватывания». «Схватывание» по латыни — концепт. Оно происходит вот здесь и вот сейчас. То, как сущее является, и то, как оно воспринимается, — одно и то же. Концепт-схватывание — не понятие, это дело, цепляющее нас способом ли высказывания, способом ли показа, конструкции, самого дела. Владимир Вениаминович задевает нас всепоглощающим накалом мысли, ее связью с мыслью мира. Хотелось бы сказать: она, мысль, вела с ним диалог, если бы он не подверг саму эту идею диалога — через истолкование философии культуры М.М. Бахтина — углубленному анализу. Я писала об этом в «Философских одиночествах», но сейчас, поскольку пишу о приемах речи, хотелось бы это повторить. Бибихин «обратил внимание на то, что „его не покидает ощущение“, будто М.М. Бахтин, разбирая литературное произведение, например Ф.М. Достоевского, «работает в искусственном отстранении от того, о чем говорит. „О, природа! — кричит... Достоевский. — Люди на земле одни — вот беда!.. Все мертво, и всюду мертвецы. Одни только люди, а кругом их молчание — вот земля!“ Бахтин выслушивает это гоголевское по размаху, с заглядыванием в новые бездны, место Достоевского и говорит не об ужасе перед Ничто, не о трагическом ясновидении поэта, а о — *мениппе*. Метания Достоевского, с кричащим надрывом, с горячечной невнятицей за порогом выразимого... Бахтин предлагает именовать техническим термином *диалог* или жаргонным философским *противоположность*... То же, что о *диалоге*, приходится сказать о *полифонии* —

двух терминах, характеризующих философию М.М. Бахтина. Бибихин считает саму диалогичность приемом среди приемов, полагая, что у М.М. Бахтина это своего рода ширма: многих в его время „условия заставляли перегрузить слово иносказаниями до немoty“. На деле же он продолжает указывать на „совсем другой простор и совсем другой восторг“, заключающийся в „простоте начала“. В любом случае перед нами вопрос — не возвели ли мы нечто случайное в разряд философии, без которого она уже не может обойтись?» [Неретина 2008: 49]. Бибихин — точно — мог обойтись.

Бибихин В.В. 2011. *Лес (hyle). (Проблема материи, история понятия, живая материя в античной и современной биологии)*. — СПб.: «Наука». — 425 с.

Бибихин В.В. 2001. *Слово и событие*. — М.: УРСС. — 280 с.

Богатов М.А. 2015. — *Способы говорить о Бибихине (проблема рубрикации творческого наследия в академической среде)*. — М.: Скимен. — С. 90–111.

Богатов М.А. 2017. Различие в понимании «Другого начала»: Хайдеггер и Бибихин. — *1917–2017: уроки столетия*. — Саратов: Издательство Саратовской митрополии. — С. 366–373.

Богатов М.А. 2017. Введение в лекционный курс Владимира Бибихина «Мир». — *Черные дыры букв. Альманах творческой лаборатории «Территория диалога»*. — Вып. 7. Ред. и состав. Е.Д. Богатырева. — Самара: ООО «КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО». — С. 216–228.

Богатов М.А. 2018. Аристотель в мышлении Владимира Бибихина. — *Вестник развития науки и образования*. — 2018. — № 1.

Богатов М.А. 2018а. «„Почему Бибихин — не Хайдеггер?“ О контрапунктах и синкопах русской философской полифонии». — *Гедфтер*. — 18.05. — Доступно: <http://Gefter.ru>. — Проверено: 15.11.2018.

Магун А.В. 2015. Понятие события в философии Владимира Бибихина. — *Статис*. — Vol. 3. — № 1.

Михайловский А.В. 2011. Владимир Бибихин как философ права. — *Сократ*. — № 3.

Неретина С.С. 2008. *Философские одиночества*. — М.: ИФРАН. — 269 с.

Павлова Д. 2017. «Техника» М. Хайдеггера и «Энергия» В.В. Бибихина как гештальт эпохи. — *Наука и общество: проблемы современных гуманитарных исследований* (сборник трудов II Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции студентов-стипендиатов ОРФ). — Саратов: СГУ.

Павлова Д. 2017а. Риск в философии: В.В. Бибихин и М. Хайдеггер. — *Общество. Человек. Риски*. — Саратов: ИЦ «Наука».

Павлова Д. 2015. «Топика» и «метрика» в мысли Владимира Бибихина. — *Революции: цивилизационный разлом или переворот?* — Саратов: ИЦ «Наука».

Хоружий С.С. 2016. *Бибихин, Хайдеггер, Палама в проблеме энергии*. — Доступно: <https://omiliya.org/article/bibihin-haydegger-palama-v-probleme-energii-sergey-horuzhiy>. — Проверено: 15.11.2018.